

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.048-058

ОТ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ К «НЕПРЕДРЕШЕНИЮ»: БЕЛЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В ЕВРОКОНТИНЕНТАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Гордеев Александр Геннадьевич,
доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), кандидат исторических наук
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lex.ag@mail.ru

© Гордеев А. Г., 2025

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу источников легитимации власти в Центральной и Восточной Европе после Первой мировой войны и в антибольшевистских режимах на территории бывшей Российской империи. Опираясь на работы О. А. Кудинова, Я. А. Бутакова, В. Д. Зиминной, Д. Р. Зайнутдинова и корпус актов Белого движения, автор показывает, что белое правовое наследие представляет альтернативную, совместимую с европейской, траекторию российской государственности. Выявляются ключевые механизмы легитимации белых режимов: правопреемство дореволюционного права и решений Временного правительства; доктрина непредрешения с обещанием Учредительного собрания; реставрация земств и судов; декларации прав и принцип разделения властей при фактической военной диктатуре. Показан внутренний синтез либеральных и консервативных начал, а также спор о писаной и неписаной конституции как моделях будущего государственного устройства. В параллельном европейском контексте реконструируется траектория от либерально-демократических конституций начала 1920-х гг. (Польша, Чехословакия и др.) к авторитарному дрейфу 1930-х, легализованному через новые основные законы, плебисциты и фигуру лидера. Предлагается типология межвоенных моделей легитимации: народный суверенитет и конституционализм; имперское правопреемство и национальное единство; персоналистская вождистская монархия / президентализм; идеологическая мобилизация. В этой оптике Белое движение сочетает ряд моделей: ориентируется на правовое государство и европейские стандарты, одновременно настаивая на «единой и неделимой» России и временной диктатуре как инструменте спасения государства. Научная новизна заключается в том, что проясняется место белых конституционных проектов в европейском правовом континууме и уточняются причины несостоявшейся институционализации белой альтернативы. Результаты поддерживают дальнейшие сравнительные исследования механизмов легитимации в евразийском пространстве.

Ключевые слова: легитимация власти; Белое движение; белый конституционализм; дореволюционное правопреемство; непредрешение; Центральная и Восточная Европа; межвоенный период; конституционализм; евразийский контекст.

FROM THE CONSTITUENT ASSEMBLY TO «NON-PREDETERMINATION»: WHITE CONSTITUTIONALISM IN THE CONTINENTAL EUROPEAN CONTEXT

Alexander G. Gordeev,

Cand. Sci. (Law), Associate Professor; Department of History of the State and Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

lex.ag@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of the sources of legitimation of power in Central and Eastern Europe after the First World War and in anti-Bolshevik regimes on the territory of the former Russian Empire. Relying on the works by O. A. Kudinov, Ya. A. Butakov, V. D. Zimina, D. R. Zaynutdinov and on the corpus of acts of the White Movement, the author demonstrates that the «White» legal legacy represents an alternative trajectory of Russian statehood that is compatible with European developments. The study identifies the key mechanisms of legitimation employed by White regimes: legal succession to pre-revolutionary law and the decisions of the Provisional Government; the doctrine of nepredresheniya [non-predetermination] with the promise of the Constituent Assembly; the restoration of zemstvos and courts; declarations of rights and the principle of separation of powers implemented alongside a de facto military dictatorship. The analysis reveals an internal synthesis of liberal and conservative elements, as well as the debate over a «written» versus an «unwritten» constitution as competing models for future state organization. Within a parallel European context, the paper reconstructs the trajectory from the liberal-democratic constitutions of the early 1920s (Poland, Czechoslovakia, etc.) to the authoritarian drift of the 1930s, legitimized through new fundamental laws, plebiscites, and the figure of a leader. The study proposes a typology of interwar models of legitimation, namely: popular sovereignty and constitutionalism; imperial succession and national unity; personalist, leader-centered monarchy/presidentialism; and ideological mobilization. From this perspective, the White Movement combines several models: it is oriented toward the rule of law and European standards while simultaneously insisting on a «united and indivisible» Russia and on temporary dictatorship as an instrument for saving the state. The scientific novelty of the study lies in clarifying the place of White constitutional projects within the European legal continuum and in specifying the reasons for the failed institutionalization of the White Alternative. The findings support further comparative research into mechanisms of legitimation across the Eurasian area.*

Keywords: *legitimization of power; White Movement; white constitutionalism; pre-revolutionary succession; non-resolution; Central and Eastern Europe; interwar period; constitutionalism; Eurasian context.*

Вопрос легитимации является краеугольным для любой власти. Особенно в переломные моменты истории, которыми, бесспорно, являются процессы, охватившие Центральную, Восточную Европу и территории бывшей Российской империи после окончания Первой мировой войны. Государства, образовавшиеся на осколках многонациональных империй, многочисленные антибольшевистские правительства на территории России прошли сходный путь поиска источника легитимности своей власти.

В постсоветский период происходит переоценка вклада Белого движения в историю российского государства и права. Современные академические подходы рассматривают правовое наследие белых правительств не как «исторический курьез», а как важную альтернативную традицию российской государственности, которая ведет диалог с европейским правом и конституционализмом. Исследователи анализируют программные документы белых в поисках отвечающей сегодняшним критериям правовой мысли.

Один из первых системных трудов — монография О. А. Кудинова «Российский конституционализм в годы революции, Гражданской войны и в эмиграции (1917–1940-е гг.)». Кудинов показывает преемственность идей: от проектов Временного правительства 1917 г. через наработки белой эмиграции к конституционным планам, которые могли бы сблизить Россию с либерально-демократической Европой. Он ввел в научный оборот ряд эмигрантских проектов конституций, раскрывая понятие белого конституционализма. В статье 2006 г.¹ Кудинов детально разбирает конституционные проекты Белого движения, отмечая, что они были во многом шаблонными по отношению к проектам Временного правительства, отражая взгляды либеральных кругов, тогда как реализация их на местах зависела от консервативных сил. Это указывает на сложный синтез либеральных и консервативных начал в белой правовой идеологии.

Я. А. Бутаков² исследовал практическую административно-правовую деятельность белых режимов. Он анализирует, как белые на местах восстанавливали дореволюционные институты (земства, суды), вводили временное законодательство, пытались наладить налоги и управление в условиях войны. Я. А. Бутаков показывает, что белые режимы стремились утвердить верховенство закона (по крайней мере тех законов, которые сами признавали легитимными) — в противовес большевистской чрезвычайщине. В работе Я. А. Бутакова и других авторов подчеркивается, что несмотря на военную обстановку «белая государственность» пыталась опереться на понятие права: в ее основах лежала идея правопреемства Российской республики (февраля 1917 г.) и сохранения правовых норм, понятных европейскому сознанию.

В. Д. Зимина посвятила ряд трудов политико-правовым режимам Гражданской войны, например: «Белое дело взбунтовавшейся России. Политические режимы гражданской войны», а также более раннюю работу (1997) о Белом движении и российской государственности³. Зимина анализирует разные белые правительства — Колчака, Деникина, Врангеля, региональные — и сравнивает их подходы к легитимации. Она вводит понятие неписаной конституции Белой России — совокупности принципов (единовластие, непредрешение⁴, сохранение частной собственности, сильная центральная власть), которым следовали белые де-факто даже без формального Основного закона. В недавней статье Д. Р. Зайнутдинова «Конституционная доктрина “белой” России: писаная и неписаная конституция»⁵ также развивается эта тема. Исследование Д. Р. Зайнутдинова показывает, как белые юристы-эмигранты спорили, нужна ли России жестко закрепленная (писаная) конституция западного типа или лучше эластичная система без единого акта (по образцу британской традиции). Вывод в том, что либерально-демократическое крыло Белого движения (Н. Н. Щепкин, П. Н. Милюков, В. А. Маклаков) стояло за письменную конституцию с гарантиями прав, а консервативно-монархическое (И. А. Ильин и др.) допускало эволюционный «неписаный» путь, но в любом случае оба лагеря видели будущее

¹ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. № 2. С. 30–37.

² См.: Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М.: Изд-во РАГС, 2000. 248 с.; Он же. Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления. М.: Изд-во РАГС, 2001. 347 с.

³ Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1997. 200 с.

⁴ Непредрешение (непредрешенчество) — принцип внутренней политики, проводимой Временным правительством России в ходе революций 1917 г., и один из основных принципов внутренней политики Белого движения во время Гражданской войны в России. Согласно ему разрешение основных государственно-национальных и социальных вопросов откладывалось до созыва Учредительного собрания.

⁵ Зайнутдинов Д. Р. Конституционная доктрина «белой» России: писаная и неписаная конституция // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Vol. 5. № 20. С. 627–644.

России как правового государства, интегрируемого в семью цивилизованных наций Европы.

Многие элементы правового наследия белых прямо восходят к европейским идеям. Так, концепция разделения властей (Монтескье) и гарантии прав личности были включены в белые декларации (см. воззвание Юденича о свободах и неприкосновенности личности). Белые правительства декларировали приверженность международным обязательствам России и принципам международного права, стремясь показать Европе свою легитимность как продолжателя Российской державы, связанного договорами с Антантой⁶. Г. А. Трукан⁷ отмечает, что белые в целом выступали за «европейскую Россию» — их правовые проекты отражали ценности парламентской демократии, рыночной экономики и частной собственности, которые позже, в СССР, были отвергнуты на несколько десятилетий. Сегодня изучение этих проектов позволяет заново включить Россию начала XX в. в общеевропейский правовой контекст, увидеть, что альтернативой большевизму был путь, сходный с тем, по которому пошли Польша или Чехословакия.

Таким образом, видно, что непосредственное сравнение источников легитимации власти центрально- и восточноевропейских стран с антибольшевистскими режимами в России является актуальным. Прежде чем перейти к непосредственному сравнению режимов восточноевропейских государств и правительств Белого движения, кратко рассмотрим основные черты власти каждого.

Белое движение в годы Гражданской войны в России (1918–1920) предпринимало попытки определить принципы будущего государственного строя, хотя единого всеобъемлющего конституционного проекта разработано не было. Лидеры белых декларировали политику непредрешенчества, то есть отказа до победы над большевиками окончательно решать вопрос о форме правления России. Адмирал А. В. Колчак и другие руководители утверждали, что окончательное устройство страны определит вновь созданное Учредительное собрание после войны. Тем не менее на местах белыми властями издавались законодательные акты, манифесты и декларации, отражающие основные идеи их государственного строительства.

В Сибири провозглашенное в ноябре 1918 г. Российское государство во главе с Верховным правителем Колчаком опиралось на дореволюционное законодательство (а также законы Временного правительства). Правительство Колчака 6 декабря 1918 г. опубликовало декларацию о стремлении к восстановлению государственности «на началах истинного народовластия, свободы и равенства». 8 апреля 1919 г. была издана Декларация по земельному вопросу, обещавшая закрепить землю за фактическими хозяевами (крестьянами) и провести аграрную реформу в пользу безземельных, с последующим окончательным решением на Учредительном собрании. Эти шаги Колчака стали самыми радикальными среди белых правительств в социально-экономической сфере, хотя и носили вынужденный характер. В национальной политике колчаковское правительство провозгласило лозунг «единой и неделимой» России, признавая лишь культурное самоопределение народов и откладывая вопрос о политическом статусе окраин до общероссийского собрания. Например, на Парижской мирной конференции представители Украины, Кавказа, Прибалтики требовали признания независимости, но Колчак, отказавшись от идеи федеративной конфедерации регионов, что впоследствии оценивалось как политически ошибочный шаг⁸, настаивал, что окончательно этот вопрос решит Всероссийский Национальный (Учредительный) собор.

На Юге России (Добровольческая армия, Вооруженные силы Юга России) также господствовала концепция военной диктатуры на переходный период. Еще в августе

⁶ *Исаев И. А.* У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1 (12). С. 28.

⁷ *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России / Ин-т рос. истории РАН. М. : ИРИ РАН, 2000. 255 с.

⁸ *Колчак А. В.* Декларация Верховного Правителя от 06.12.1918 // Сибирская речь (Омск). 1918. 7 дек.

1918 г. генерал А. И. Деникин утвердил принцип, что временная власть должна быть «неограниченной, в виде единоличной диктатуры», оправданной чрезвычайными условиями войны и рассматриваемой как этап перед восстановлением демократии. Эту «национальную диктатуру» Деникин называл необходимой для спасения государства с последующей передачей власти представительным органам. В декабре 1917 г. был опубликован Манифест Добровольческой армии (написан П. Н. Милюковым) с обещанием свободных выборов в Учредительное собрание после победы над большевиками⁹. Однако вскоре лозунг Учредительного собрания перестал использоваться, так как часть белых (например, ген. А. С. Лукомский) критиковала его и допускала предпочтительность монархии. В начале 1919 г. с белым командованием сотрудничал подпольный Тактический центр, представивший проекты, предлагавшие созвать Национальное собрание (с совещательными функциями) для выработки основного закона, при сохранении независимого от него переходного правительства. Эти проекты отражали стремление объединить широкий спектр антибольшевистских сил и предусматривали, что после принятия конституции Национальным собранием временное военное правительство сложит полномочия.

На Дону и Кубани местные казачьи правительства также издавали собственные конституционные акты. Всевеликое войско Донское под атаманом П. Н. Красновым в сентябре 1918 г. приняло Основные законы Всевеликого войска Донского — фактическую конституцию Донской области¹⁰. Согласно этому Закону, полная власть принадлежала выбранному казачьим Кругом атаману, который единолично утверждал законы, командовал армией, назначал правительство и осуществлял внешние сношения. Этот правовой акт закреплял автономную государственность казачьего региона впредь до воссоздания общероссийской власти. Текст Закона Всевеликого Войска Донского опубликован, например, в сборнике «Белое дело: Дон и Добровольческая армия». После отстранения Краснова Деникиным донские атаманы (генерал А. П. Богаевский и др.) продолжали действовать в русле политики единой России, хотя Дон сохранял определенную автономию управления.

На северо-западе силы генерала Н. Н. Юденича в 1919 г. также провозглашали отказ от старого режима и опору будущей всероссийской власти на народовластие при единстве России. В воззвании Юденича (август 1919 г.) говорилось о гарантии национально-культурных прав всех народностей России, развитии земского самоуправления и равенстве граждан перед законом, провозглашались гражданские свободы (совести, слова, собраний) и обещалось решить земельный вопрос в интересах трудящихся крестьян. Эти декларации показывают, что Белое движение, несмотря на военную диктатуру, пыталось легитимировать себя через обещание либеральных реформ и правопорядка, сопоставимых с дореволюционными правовыми нормами и европейскими стандартами свободы.

В конце Гражданской войны оставшиеся белые силы под командованием генерала П. Н. Врангеля в Крыму (правительство Юга России, 1920 г.) сделали последнюю попытку юридического оформления власти. 22 марта 1920 г. Врангель официально принял на себя всю полноту власти (военной и гражданской) с санкции оставшегося от Временного правительства Сената¹¹. Его правительство разработало ряд реформ: Правила о восстановлении земств (ввод крестьянского местного самоуправления), проект конституционных положений (август 1920 г.), включавший основы равноправия граждан, социальную политику (передача обрабатываемой земли крестьянам в собственность, защита прав рабочих), декларировал федеративный принцип объединения всех областей России на основе свободного соглашения, а также приверженность международным обязательствам России. Таким образом, даже в эмиграции белые пытались вписать свою легитимацию в русло европейского правового поля.

⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921–1923 (репринт: М., 1991). Т. 3–4. 423 с.

¹⁰ Белое дело : Избранные произведения. Дон и Добровольческая армия. М. : Голос, 1992. С. 14–15.

¹¹ Воспоминания генерала П. Н. Врангеля. М. : Вита Нова, 1992. Ч. 2. 472 с.

Хотя до практической реализации конституционных идей дело не дошло, в белоэмигрантских кругах велась работа над проектами Основного закона. Наиболее известен проект «Основы Конституции Российского государства», опубликованный в январе 1920 г. в Париже и обсуждавшийся политиками в Крыму, Ростове и за рубежом. Авторами проекта называли ряд юристов и общественных деятелей (упоминаются Г. Е. Львов, П. Б. Струве, Б. В. Савинков, П. И. Новгородцев и др.). Проект предполагал парламентскую республику: глава государства (президент) избирается двухпалатным парламентом и действует в основном через ответственного канцлера (премьер-министра), двухпалатное народное представительство (Госдума, избираемая всеобщим голосованием, и Государственный совет, формируемый областными сеймами) осуществляет законодательную власть. Форму правления (республика или монархия) откладывали до решения Учредительного (Национального) собрания, что соответствовало идее непредрешения. Этот проект впитал в себя идеи европейского конституционализма (разделение властей, парламентаризм, федеративные элементы) и стал важным документальным свидетельством правовой мысли Белой России. Полный текст проекта был опубликован в эмигрантском сборнике «Архив русской революции»¹².

После Первой мировой войны на карте Центральной и Восточной Европы возникли новые национальные государства — Польша, Чехословакия, Югославия, Финляндия, страны Балтии, Венгрия, Австрия, а также значительно расширились или изменили строй Румыния, Болгария, Греция. Первоначально многие из этих «молодых демократий» стремились утвердить свою власть на основании либерально-демократических конституций, беря за образец западноевропейский опыт. Так, в Польше учредительный сейм принял 17 марта 1921 г. Мартовскую конституцию, закрепившую республиканский строй, парламентское верховенство (Сейм и Сенат) и широкий перечень демократических прав граждан. Польская конституция 1921 г. гарантировала свободу слова, печати, собраний, равенство всех перед законом, вводила всеобщее избирательное право (в том числе для женщин) и ответственное перед парламентом правительство. Аналогично в соседней Чехословакии после провозглашения независимости в октябре 1918 г. был обнародован Вашингтонский декларационный акт, утверждавший принципы демократии и равноправия в новом государстве. В 1920 г. Учредительное собрание Чехословакии приняло Конституцию 1920 г., создавшую парламентскую республику с двухпалатным Национальным собранием и президентом (Т. Г. Масариком) как главой государства, избираемым парламентом. Эта конституция юридически закрепила буржуазно-демократический характер строя Чехословакии и содержала подробный каталог гражданских прав, включая защиту прав меньшинств¹³.

Балканские и восточноевропейские страны также первоначально имели конституционные монархии с демократическими элементами. Например, объединенное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. — Югославия) приняло в июне 1921 г. Видовданскую конституцию, установившую парламентскую монархию Карагеоргиевичей. Конституция декларировала единое югославское народное государство с гарантией основных свобод, однако на практике учитывала преимущественно сербские интересы и централизованную власть Белграда. В Польской Республике наряду с Мартовской конституцией действовал Малый конституционный акт 1919 г., а также гарантировались права национальных меньшинств (польское правительство подписало так называемый Малый Версальский трактат о защите меньшинств).

Во Второй Речи Посполитой (Польше) после государственного переворота 1926 г. маршала Юзефа Пилсудского произошел отход от парламентской демократии. Тем не менее вплоть до 1935 г. продолжала формально действовать конституция 1921 г. (с поправками), и лишь в апреле 1935 г. была введена новая Апрельская конституция,

¹² Архив русской революции / под ред. Г. В. Гессена. Берлин : Слово, 1923. Т. 1. С. 263–287.

¹³ Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2004. № 3–4. С. 5–23.

которая значительно усилила власть президента за счет парламента. Апрельская конституция фактически оформила авторитарный режим (санационный режим Пилсудского), легитимируя его через идею «национального вождизма»: президент получил чрезвычайно широкие полномочия, отвечая «перед Богом и историей» (без политической ответственности перед парламентом). Таким образом, Польша эволюционировала от парламентской республики к режиму с чертами авторитарного президентализма, обосновываемого необходимостью «оздоровления» государства.

В других странах региона прослеживается похожая динамика. Литва после провозглашения республики в 1918 г. приняла демократическую Конституцию 1922 г., но в результате переворота 1926 г. установился режим президента А. Сметоны, который отменил многопартийные выборы. Латвия и Эстония приняли конституции в 1922 г. с демократическими парламентами (Сейм в Латвии, Рийгикогу в Эстонии) и слабыми президентами (в Эстонии пост главы государства вообще был заменен коллегиальным «старейшиной государства»). Однако и там к середине 1930-х произошел уход к авторитаризму: в 1934 г. К. Улманис в Латвии и К. Пятс в Эстонии осуществили государственные перевороты, распустили парламента и установили режимы личной власти, мотивируя это защитой нации от «неуправляемой демократии»¹⁴.

Балканские монархии пережили сходные процессы. В Королевстве Югославия король Александр I в январе 1929 г. разогнал парламент и ввел прямую королевскую диктатуру, позже оформив ее в Конституции 1931 г., которая хотя и провозглашала некоторые свободы, но, по сути, узаконила неограниченное правление монарха. В Болгарии после демократической Тырновской конституции 1879 г. в межвоенный период также произошел авторитарный поворот: царь Борис III, опираясь на переворот 19 мая 1934 г., распустил партии и парламент, установив к концу 1930-х личный режим (хотя формально Конституция 1879 г. не была отменена, ее действие было приостановлено). В Румынии парламентская жизнь 1920-х (Конституция 1923 г., одна из самых прогрессивных в регионе) завершилась установлением королевской диктатуры Кароля II: в феврале 1938 г. он распустил парламент и ввел новую конституцию, резко ограничившую политические права и провозгласившую корпоративное государство под эгидой монарха. Даже демократическая Чехословакия, которая долго оставалась единственной сохранявшей демократические институты, в 1938–39 гг. потеряла суверенитет вследствие Мюнхенского соглашения и немецкой оккупации, что прервало ее демократическое развитие.

Формы легитимации власти в межвоенной Центральной и Восточной Европе прошли путь от либерально-демократической (1918 — начало 1920-х) к авторитарной (конец 1920-х — 1930-е). Первоначальная легитимность новых режимов основывалась на принципе национального самоопределения (национально-освободительные манифесты 1918 г., провозглашение народного суверенитета) и на конституционализме (парламенты, гарантии прав). К концу 1930-х доминирующей стала легитимация через лидера/монарха и идеологию: режимы апеллировали к необходимости национального единства, защиты от внешних и внутренних врагов, традиционных ценностей. Правители выступали в роли «отцов нации»: они считали свой народ «незрелым», требующим твердой руки, и тем оправдывали свертывание демократии. Например, латвийский лидер К. Улманис рассматривал избирателей как «недостаточно взрослых», а маршал Пилсудский в Польше откровенно презирал парламентскую систему, называя конституцию «проститутцией». Тем не менее все эти режимы сохраняли внешние атрибуты законности — новые конституции, плебисциты, одобрение монархом, — то есть пытались придать своей власти юридическую форму, вписанную в континентальную правовую традицию (которой свойственно наличие конституции как основного закона даже при авторитарном характере режима).

После того как мы обзорно рассмотрели положение сравниваемых элементов, перейдем к непосредственному сравнению тех правовых категорий, к которым

¹⁴ Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41 / *Makłła D.* (ed.). Warsaw : Deutsches Historisches Institut, 2019. P. 45–48, 84.

обращались различные правительства в поисках источников легитимности. Континентальная правовая традиция (т. н. романо-германская, европейская континентальная) исторически выработала ряд моделей легитимации государственной власти. К началу XX в. в Европе утвердились представления о том, что легитимность власти основывается на законе и воле народа («правовое государство», конституционализм). Конституции и выборные институты стали главным инструментом придания власти легального и общепризнанного характера. В то же время сохранялись традиционные элементы легитимации — монархическая династическая законность (право династий на престол, освященное историей и религией) — и появились новые идеологические обоснования, когда вместо одного принципа народного суверенитета на первый план вышли политические идеологии. Так, национализм обосновывал власть необходимостью выражения воли определенной нации, либерализм — защитой прав и свобод граждан, коммунизм — диктатурой пролетариата во имя будущего равенства, фашизм — харизмой лидера и единством нации против внешних и внутренних врагов. Несмотря на различия, все эти модели в Европе имели юридическое оформление: даже авторитарные режимы принимали конституции и законы, придавая своим идеологиям форму права (пример — фашистская Италия сохраняла статуты Королевства, на основе которых Муссолини правил; нацистская Германия формально действовала по Веймарской конституции с поправками)¹⁵.

Евразийский контекст легитимации власти часто предполагает синтез восточных (азиатских, степных) традиций и европейских заимствований. Понятие «Евразия» применимо прежде всего к Российской империи и прилегающим обществам, где европейские правовые идеи взаимодействовали с местными условиями. К началу XX в. российская политико-правовая культура существенно отставала от западноевропейской в части конституционализма: самодержавная монархия в России до 1905 г. не признавала принципов разделения властей и народного представительства. Модели легитимации в Российской империи традиционно базировались на божественном праве монарха (православная концепция царской власти) и на имперской идее — объединяющей роли царя для множества народов Евразии. После революций 1905 и 1917 гг. в российское пространство вошли и европейские модели: появилась Конституция 1906 г. (Основные законы Российской империи после Манифеста 17 октября), учреждавшая парламент (Государственную думу) — попытка легитимации через народное представительство, хотя царь сохранил обширные полномочия. Февральская революция 1917 г. провозгласила республику и демократию, но эти принципы быстро сменились более радикальными.

Гражданская война в бывшей империи стала ареной столкновения двух новых идеологий легитимации: большевистской (советская власть опиралась на марксистскую доктрину — легитимность через классовую революцию, диктатуру пролетариата) и белой (которая апеллировала к реставрации законности, Учредительному собранию, национальному спасению). Белое движение, хотя и воевало против советов, во многом привнесло в евразийский контекст европейские правовые идеи. Их лидеры были носителями дореволюционной образованности, многие — юристы, офицеры, знакомые с западными конституционными теориями. Например, видные правоведы, работавшие с белыми правительствами (П. Г. Виноградов, В. А. Маклаков, С. А. Корф, И. А. Ильин), дискутировали о том, нужна ли России писаная конституция по западному образцу или лучше неписаная (как в Британской империи)¹⁶. Многие из них склонялись к конституционной монархии с законом ограниченной властью монарха, другие — к республике, но все сходились в том, что будущая власть должна основываться на праве, а не на одной лишь силе оружия. Таким образом, Белая Россия попыталась соединить традиционную монархическую легитимность (преемственность Российской государственности, единая и неделимая империя) и конституционно-демократическую (воля народа через Учредительное собрание).

¹⁵ Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. P. 101–104.

¹⁶ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. 2006. № 2. С. 33–35.

Практически это выразилось в провозглашении диктатуры «лишь на время войны» с обещанием конституционных свобод впоследствии.

Сравнивая европейские модели и их евразийские проявления, можно выделить несколько ключевых концептов легитимации:

1. В Западной и Центральной Европе после 1918 г. это главный принцип (республиканские конституции, выборные органы). В Белом движении — декларируется уважение к народному волеизъявлению (новые выборы в Учредительное собрание), но откладывается на поствоенный период. Белые правительства опирались на юридическую преемственность (дореволюционные законы) и временные законодательства, стараясь сохранить видимость правового поля даже в отсутствие общепризнанной конституции.

2. Европейская континентальная традиция после Первой мировой войны приняла идею каждой нации — свое государство (отсюда независимость Польши, Финляндии, стран Балтии и т.д., подкрепленная международным признанием). Белое движение, напротив, легитимировало себя идеей восстановления «единой и неделимой» многонациональной России. Отсюда негативное отношение белых к отделению окраин: ни Колчак, ни Деникин не признали независимость Украины, Кавказа или Средней Азии, считая своей миссией вернуть территории под центральную власть (что они считали условием легитимности всей власти). В европейском контексте такое имперское мышление уже противоречило духу Версальско-вашингтонской системы — но белые видели легитимность именно в преемственности Российской империи.

3. В континентальной Европе к 1920 г. большинство монархий стали конституционными, а республики — парламентскими. Однако 1930-е вернули авторитарную диктатуру (личную власть) как модель легитимации (через культ вождя, «отца народа»). В евразийской (российской) среде идея харизматичной личности как источника власти тоже была сильна: и белые, и красные опирались на авторитет лидеров (генералы — Колчак, Деникин; у красных — Ленин, Троцкий). Белые называли свою диктатуру «национальной» и оправдывали ее высшими интересами нации, что сходно с риторикой, скажем, режимов Пилсудского или Муссолини. Отличие в том, что белые не успели институционализировать свою диктатуру в мирное время — она оставалась военной необходимостью, тогда как в Европе диктатуры получили долговременное оформление (законы о чрезвычайных полномочиях, однопартийная система и т.п.).

4. На европейском континенте межвоенного периода соревновались либеральная демократия, коммунизм и фашизм как идеологические основы легитимности. В евразийском (советском) контексте победил коммунистический вариант: СССР провозгласил новую легитимность — власть Советов, что отвергало и царизм, и идеи белых как «буржуазно-демократические». Белое движение в эмиграции продолжило диалог с европейским правом — многие белые правоведы (И. Ильин, Н. Н. Алексеев, Б. Э. Нольде) участвовали в теоретических дискуссиях, пытаясь синтезировать русский опыт и западные теории государственного права. Их труды по правовой государственности, федерализму и демократии стали частью интеллектуального наследия, связывающего довоенную Россию с европейской правовой мыслью. Современные исследователи подчеркивают, что белая альтернативная модель развития России представляла собой попытку реализовать «несбывшийся либерально-конституционный путь» России в русле западной демократии.

Европейская континентальная традиция к началу XX в. делала акцент на правовых процедурах и национальном принципе, тогда как евразийская (русская) практика зачастую ставила государственное единство и преемственность выше принципа самоопределения. Однако Белое движение в целом вписывалось в логику континентального правопорядка — оно несло с собой идеи парламентаризма, права и свобод, которые просто были отложены до «лучших времен». Это подтверждает, что модели легитимации власти в континентальной Европе служили ориентиром и для евразийского пространства, хотя реализовывались там с существенными поправками на особую политическую ситуацию и историческое наследие.

Белые конституционные проекты находятся в одном ряду с европейскими конституциями того времени, а легитимация власти должна рассматриваться сравнительно — чтобы понять, почему одни модели (демократия, правовое государство) прижились в одних частях Европы, а в других (включая Евразию) на долгие годы утвердились иные (тоталитарные) формы. Такой подход позволяет полнее оценить место белого правового наследия: оно служит мостом между дореволюционной Россией и европейской правовой традицией, демонстрируя, что наша страна могла бы развиваться по пути, более созвучному остальной Европе, и что элементы этого пути позднее все равно пробились в российскую правовую систему.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белое дело : Избранные произведения. Дон и Добровольческая армия. — М. : Голос, 1992. — 416 с.
2. Бутаков Я. А. Белое движение на Юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). — М. : Изд-во РАГС, 2000. — 248 с.
3. Бутаков Я. А. Гражданская война в России: альтернативные модели государственного строительства и управления. — М. : Изд-во РАГС, 2001. — 347 с.
4. Воспоминания ген. П. Н. Врангеля. — М. : Вита Нова, 1992. — Ч. 2. — 472 с.
5. Деникин А. И. Очерки русской смуты. — М., 1991. — Т. 3–4. — 423 с.
6. Зайнутдинов Д. Р. Конституционная доктрина «белой» России: писаная и неписаная конституция // Актуальные проблемы государства и права. — 2021. — Т. 5. — № 20. — С. 627–644.
7. Зимица В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. — Волгоград : Издательство ВолГУ, 1997. — 200 с.
8. Зимица В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны. — М. : РАГС, 2006. — 304 с.
9. Исаев И. А. У входа в Новое время: политическое единство или политическая целостность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 1 (12). — С. 23–30.
10. Колчак А. В. Декларация Верховного Правительства от 6 декабря 1918 г. // Сибирская речь (Омск). — 1918. — 7 дек.
11. Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения в годы Гражданской войны в России // История государства и права Советской России. — 2006. — № 2. — С. 30–37.
12. Кудинов О. А. Российский конституционализм в годы революции, Гражданской войны и в эмиграции (1917–1940-е гг.). — М. : МЭСИ, 2001. — 190 с.
13. Медушевский А. Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. — 2004. — № 3–4. — С. 5–23.
14. Токарева Д. В. Конституционно-правовые концепции государственных преобразований в программных документах Белого движения // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2010. — № 4 (16). — С. 3–10.
15. Трухан Г. А. Антибольшевистские правительства России / Ин-т рос. истории РАН. — М. : ИРИ РАН, 2000. — 255 с.
16. Makitła D. (ed.) Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. — Warsaw : Deutsches Historisches Institut, 2019. — 430 p.

REFERENCES

1. The White Movement: Selected Works. The Don and the Volunteer Army. Moscow: Golos Publ.; 1992. (In Russ.).
2. Butakov YA. The White Movement in the South of Russia: The concept and practice of state building (the end of 1917 — the beginning of 1920s). Moscow: Publishing House of RAGS, 2000. (In Russ.).

3. Butakov YA. Civil War in Russia: Alternative Models of State Building and Management. Moscow: RAGS Publ.; 2001. (In Russ.).
4. Memoirs of General P.N. Wrangel. Part 2. Moscow: Vita Nova Publ.; 1992. (In Russ.).
5. Denikin AI. Essays on Russian Unrest. Vols. 3-4. Moscow: 1991. (In Russ.).
6. Zainutdinov DR. The constitutional doctrine of «White» Russia: A Written and Unwritten Constitution. *Actual Problems of the State and Law*. 2021;5(20):627-644. (In Russ.).
7. Zimina VD. The White Movement and Russian Statehood during the Civil War. Volgograd: VolsU Publ.; 1997. (In Russ.).
8. Zimina VD. The White Cause of Rebellious Russia: Political Regimes of the Civil War. Moscow: RAGS Publ.; 2006. (In Russ.).
9. Isaev IA. At the Entrance to the Early Modern Period: Political Unity or Political Integrity? *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(12):23-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/2311-5998.2024.124.12.023-030.
10. Kolchak AV. Declaration of the Supreme Ruler of December 6, 1918. Siberian speech (Omsk). 1918. (In Russ.).
11. Kudinov OA. Constitutional projects of the White movement during the Civil War in Russia. *History of the State and the Law of Soviet Russia*. 2006;2:30-37. (In Russ.).
12. Kudinov OA. Russian constitutionalism during the years of the revolution, the Civil War and in exile (1917–1940s). Moscow: MESI Publ.; 2001. (In Russ.).
13. Medushevsky AN. Constitutional cycles in Central and Eastern Europe. *Sociological Journal*. 2004;3-4:5-23. (In Russ.).
14. Tokareva DV. Constitutional and legal concepts of state transformations in the program documents of the White movement. *Izvestija vuzov. Volga region. Humanities*. 2010;4(16):3-10. (In Russ.).
15. Trukan GA. Anti-Bolshevik Governments of Russia. Institute of History of the Russian Academy of Sciences. Moscow: IRI RAS Publ.; 2000. (In Russ.).
16. Makiła D. (ed.) Constitutional Order in Post-Versailles Central and Eastern Europe 1919–1939/41. Warsaw: Deutsches Historisches Institut Publ.; 2019.